

DOI: 10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203

EDN: GOPGJN

Научная статья / Research article

Поэтика образа *homo creator* в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова

В.С. Косенко

Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Москва, Российская Федерация,

✉ visha-k@mail.ru

Аннотация. В антропософском ряду литературных типов (*homo ludens*, *homo faber*, *homo dreamer* и пр.) не фигурирует герой *homo creator* (творческая личность, человек искусства). В исследовании заявлен такой тип героя и представлена аналитика его образа — на материале повести «Башня молчания» Явдата Ильясова. Для достижения цели — понимания творческой личности — и решения поставленных задач (описание рефлексивных практик героя повести; анализ поэтики образа главного героя; отношение героя повести к собакам вообще и псу, доставшемуся ему в подарок; раскрытие семантики заглавия повести), с опорой на литературоведческие труды (М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, С.Д. Кржижановского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, Ю.К. Щеглова), выявлены приемы поэтики, участвующие в создании литературного образа Омара Хайяма, поэта и ученого. Среди таких приемов рассмотрены: особая оптика героя *homo creator*, фокус которой моделирует разные виды экфрасиса (живописный, обрядовый); интрадигетическая образность (когда герои картины «оживают» и становятся действующими персонажами повести); театрализация в моделировании ситуаций (режиссирование «спектакля» с элементами карнавализации: травестированием, «перевертышами», «ситуацией наоборот»); создание субъектной точки зрения главного героя в процессе написания им «Книги печали» (в которой герой анализирует судьбы поэтов и ученых предшествующих эпох); отношения с собакой, представленные в эволюционном ракурсе (от неприятия собак до преданных отношений с собакой по кличке Басар). Повесть «Башня молчания» в таком аспекте анализируется впервые. Мировая *хайямиана*, таким образом, пополняется новыми гранями литературного образа Омара Хайяма, выявленными автором.

Ключевые слова: Омар Хайям, экфрасис, литературные типы, заглавие, собака

История статьи: поступила в редакцию 06.11.2025; принята к печати 06.01.2026.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Косенко В.С. Поэтика образа *homo creator* в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2026. Т. 23. № 1. С. 192–203. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203> EDN: GOPGJN

The Poetics of the *Homo Creator* in the Novel “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov

Victoriya S. Kosenko^{ORCID}

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation,

✉ visha-k@mail.ru

Abstract. The anthroposophical series of literary types (*homo ludens*, *homo faber*, *homo dreamer*, etc.) does not include the hero *homo creator* (a creative person, a man of art). The study declares such a hero type and presents an analysis of his image — based on the story “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov. To achieve the goal — understanding the creative personality — and solving the tasks (description of the protagonist’s reflective practices; analysis of the poetics of the protagonist’s image; the protagonist’s attitude towards dogs in general and the dog he received as a gift; disclosure of the semantics of the story’s title), based on literary studies (M.M. Bakhtin, I.R. Galperin, S.N. Zenkin, S.D. Krzhizhanovsky, Yu.M. Lotman, Yu.B. Orlitsky, Yu.K. Shcheglov), poetic techniques involved in the creation of the literary image of Omar Khayyam, a poet and scientist, are identified. Among such techniques are considered: the special optics of the hero *homo creator*, the focus of which models different types of ekphrasis (picturesque, ritual), intradiegetic imagery (when the characters in the painting “come to life” and become characters in the story); theatricalization in modeling situations (directing a “performance” with elements of carnivalization: treveterisation, “turncoats”, “the opposite situation”); the creation of the protagonist’s subjective point of view in the process of writing his “Book of Sorrow” (in which the protagonist analyses the fates of poets and scholars of previous eras); his relationship with his dog, presented from an evolutionary perspective (from rejection of dogs to a loyal relationship with a dog named Basar). This is the first time that the story “The Tower of Silence” has been analysed in this way. The world of Khayyam is thus enriched with new facets of the literary image of Omar Khayyam, revealed by the author.

Key words: Omar Khayyam, ekphrasis, literary types, title, dog

Article history: received 06.11.2025; accepted 06.01.2026.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kosenko, V.S. 2026. “The Poetics of the *Homo Creator* in the Novel “The Tower of Silence” by Yavdat Ilyasov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 23 (1), 192–203. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2026-23-1-192-203> EDN: GOPGJN

Введение

Образ творческой личности (*homo creator*), прототип которой — реально существовавший человек, привлекал внимание писателей во все времена, особенно в XX в. Они пытаются наделить такого героя чертами, отличающими его от обычных людей, вывести некую парадигму таланта.

Цель исследования — понять устройство такого образа — героя *homo creator*, для чего мы исследуем поэтику образа Омара Хайяма в повести «Башня молчания» Явдата Ильясова. Задачи статьи: описать рефлексивные практики как элемент поэтики образа Хайяма; его оптику, участвующую в

создании картины мира героя *homo creator* (среди приемов — различные виды экфрасиса, интрадиггетическая образность, травестийность); отрефлексировать роль образа собаки в континууме образа Хайяма, а также раскрыть контекстуальную семантику заглавия повести.

В основе анализа статьи лежит методология, базирующаяся на работах по поэтике М.М. Бахтина, И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, С.Д. Кржижановского, Ю.М. Лотмана, Ю.Б. Орлицкого, Ю.К. Щеглова.

Результаты и обсуждение

Хайямиана

Личность поэта и ученого (математика, астронома) Омара Хайяма (1048–1131) получила мировую славу только в XIX в., благодаря переводам рубаи Хайяма английским поэтом Эдвардом Фицджеральдом (1809–1883).

В XX в. написано столь много художественных текстов с главным героем Хайямом, что появляется термин *хайямиана* для выделения таких сочинений в отдельный корпус (часть из них рассмотрена в нашей статье: [1]). Это произведения на разных языках, Омар Хайям предстает в них, с одной стороны, в устойчивом контексте отношений с историческими личностями (сельджукским правителем Маликшахом, его визирем Низам-аль-Мульком — покровителями поэта, с ассасином Хасаном ибн Саббахом — эта историческая личность сопровождает образ Хайяма во всех повествованиях, но с разными, порой противоположными установками), с женщинами (во всех текстах женские образы разные — отличаются имена, возраст, социальный статус). С другой стороны, степень психологизма в портрете Хайяма во всех произведениях хайямианы разная, что отчасти объяснимо, например, жанровой установкой: это может быть детективное повествование (роман А. Маалуфа «Самарканд»), авантюрное (роман Г. Лэмба «Омар Хайям»), историческое (повесть Я. Ильясова «Заклинатель змей»), лироэпическое (повесть М. Симашко «Хадж Хайяма»).

Русскоязычная повесть «Башня молчания» (1982) Явдата Ильясова отличается оригинальными приемами в изображении личности Хайяма, его внутренней жизни, которые не встречаются ни в одном из текстов хайямианы. В частности, в этой повести представлены размышления Хайяма о природе таланта, творческой личности, которые приводят героя к экзистенциальным выводам. Неоконченной повести «Башня молчания» (Я. Ильясов трагически погиб в 1982 г.) предшествовала другая — «Заклинатель змей», тоже об Омаре Хайяме, ее сюжет строится на последовательности исторических фактов и событий, которые совпали с жизнью Хайяма. В «Башне молчания» ракурс изображения героя перенесен на его внутреннюю жизнь, на его рецептивное восприятие происходящего в повседневности и предшествовавшей ему истории.

Книга печали

Осознавая себя особенным человеком («Мы — чудаки»¹), выходящим за рамки «нормальности» (в представлении человека не только XII в., но, как видится из сегодняшнего прочтения, социальной «нормы» вообще), Омар Хайям в повести «Башня молчания» пытается осмыслить свое положение в социуме, сопоставляет себя с поэтами предшествующих эпох — людьми творческими и талантливыми (этот тип героя мы называем *homo creator*). Задуманная Хайямом «Книга ученых» в процессе работы превращается в «Книгу печали» — печали, в регистре которой Хайяму видятся судьбы талантливых людей всех времен. Когда его возлюбленная, приревновав к писанию книги, предложила сделать выбор между нею и книгой, Хайям выбрал творчество: «Для меня моя книга не развлечение <...> Труд. Смысл жизни. Долг»².

Проблема — кто достоин биографии — занимает главного героя повести, Омара Хайяма. К нему обращается городской обыватель: «„Написал бы книгу обо мне“ — „О тебе? Ты даже сатиры не заслуживаешь. Ведь чтобы попасть в сатиру, надо что-то сделать, не так ли? Эпитафию — куда ни шло, могу написать“ — „Но я еще живой!“ — „Это тебе кажется“»³, — собственно, в этих словах выражена формула Хайяма, имеющая отношение к биографии *homo creator*. В этой точке зрения герой Ильясова совпадает с научными умозаключениями по теории биографии Ю.М. Лотмана, который писал, что каждый тип культуры вырабатывает модель «людей без биографии» и «людей с биографией» [2. С. 106]. Вторые, по Лотману, это те, для которых среди фатальных возможностей становится актуальным *выбор*: следовать *норме* или идти своим путем, *анормальным*, по мнению большинства. Именно эти люди попадают в коллективную память культуры. Только они, считает Лотман, «имеют биографию» [2. С. 107]. Герой Ильясова говорит: «Одно утешительно: кто помнит, как звали этих злых, недалеких людей? <...> Имя же создателя великой книги и название ее останутся на земле навечно. Во всяком случае, до тех пор, пока на ней не переведутся люди грамотные»⁴. Заметим, что повесть Ильясова писалась в 1982 г., работа Лотмана — в 1986 г. Каждый — ученый и писатель, не пересекаясь, приходит к одному и тому же умозаключению.

«Эх, как хочется всякому, чтобы имя его прогремело»⁵, — говорит ильясовский Хайям. «Далеко не каждый реально живущий в данном обществе человек имеет право на биографию» [2. С. 106], — считает Лотман.

Персонажами «Книги печали» Хайяма выступают Аристотель, Рудаки, Фирдоуси, Абу Али ибн Сина, Бируни и еще много других поэтов и ученых.

¹ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 326.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ Там же. С. 379.

Хайям создает их биографии в регистре взаимоотношений с властью, во время работы останавливаясь и рассуждая о том, что изменилось с той поры, когда жил его герой, а чаще — что осталось неизменным.

Рудаки (ок. 859–954) был крайне удачлив как поэт, еще при жизни был наделен титулом «Адам поэтов», но в конце пути его ослепили — Ильясов указывает причину: это увлечение вольнодумного поэта учением карматов (они боролись против духовенства и богачей-дехкан): «И Рудаки не минуло несчастье. Однажды ночью его схватили, скрутили руки за спиной, и палач раскаленным добела толстым железным прутом выжег ему глаза. Больной, потерявший все, он вернулся в родное селение и умер год спустя в нищете»⁶.

Поэт Фирдоуси (940–1020), в течение четырех десятилетий создававший эпос «Шахнаме», был оскорблен завистниками жалкой подачкой за свой труд и умер.

Ученый Бируни (973–1048), как и Фирдоуси, получил за свой труд «Звездный канон» оскорбительную плату, отправив ее назад и сопроводив словами: не нуждается ни в чем, имея крышу, одежду и пищу. За такой независимый ответ Бируни был брошен в тюрьму.

Все, о ком пишет ильясовский Хайям, поднимают одни и те же вопросы: «Богатство и бедность. Мишура событий и устойчивость добра и человечности. Родина и чужбина. Радость и горе. Правда и ложь. Достоинства ума и одаренности. Образованность и невежество. Любовь и ненависть. Жизнь и смерть»⁷. Хайям горд, что принадлежит к этому кругу. Все творчески одаренные люди мучительно ищут ответы на эти вопросы, большинство — себе в ущерб: не только ими написанные слова, высказанные вслух суждения, но и мысли считаются преступными — настолько, что обыватели называют этих людей «чужими под солнцем». «Мы открыто говорим за них то, чего они сами не смеют не то что сказать — даже подумать»⁸, — заключает Хайям.

Наблюдательность и аналитические способности творческой природы Хайяма рождают в теле повести философские метафоры, выполняющие функцию социального диагноза. Одна из таких метафор — «башня молчания».

Башня молчания

Вначале «башня молчания» появляется в тексте как обозначение древнего артефакта — погребального сооружения зороастрийцев. В повести эта башня именуется *дакма* (есть и другое название, не вошедшее в повесть, но существующее в повседневности людей, живущих до сих пор в соседстве с такими башнями, — *чилтык*, в Каракалпакстане). Какое отношение имеет зороастрийская погребальная башня к эпохе и творчеству Омара Хайяма?

⁶ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 377.

⁷ Там же. С. 383.

⁸ Там же. С. 383.

Во-первых, следы зороастрийской культуры к XII в. были вполне видными: «Город. Оазис. Прибежище гебров — зороастрийцев, не пожелавших принять новую веру — ислам. О чем свидетельствует скорбная „башня молчания“ на холме у въезда в знойный Йезд»⁹. (Кстати, о зороастрийской культуре немало рассуждает и поэт Рудаки, герой современного романа «Возвращение в Панджруд» Андрея Волоса.)

Во-вторых, наблюдая эти дакмы, Хайям выстраивает картину мира предков-зороастрийцев и сравнивает ее с современностью. Первоначально, увидев дакму, он называет способ погребения у гебров варварским: они оставляют тела усопших в дакмах, куда слетаются хищные птицы и расклевывают их до костей.

«Некрасиво, конечно, — подумал Омар брезгливо. — Но разве нынче наша страна — не та же зловещая Башня молчания?»¹⁰. И что лучше — быть съеденным земляными червями или вольными птицами? — неожиданный вывод Хайяма, разрушающего клишированные постулаты о чужой культуре (и религии) как недостойной, — так «башня молчания» из реального объекта становится метафорой жизни, современной ему и той, которую он рассматривает во время работы над «Книгой печали».

И.Р. Гальперин назвал заглавие «закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [3. С. 133] — именно так реальная деталь в сюжете повести Ильясова превращается в метафору, а будучи вынесенной в заглавие, — выражает «основной замысел, идею, концепт создателя текста» [3. С. 133]. О том же писал и С. Кржижановский: заглавие — «стянутая до объема двух-трех слов книга» [4. С. 3].

Таким образом, несмотря на то, что повесть посвящена исключительно Омару Хайяму, образ которого находится в центре развития сюжета, ее заглавие далеко от имени поэта, оно о времени, о человеке вообще — такова концепция всего произведения, сосредоточенная в заглавии¹¹. В финале повести, когда был убит его друг — пес Басар, Омар Хайям захоронил его на «башне молчания»: «Клюйте, вороны! Серые и черные...»¹².

Онтика homo creator

Создавая образ героя *homo creator*, писатель использует приемы, подчеркивающие его инаковость в сравнении с окружающими. Хайям *видит* вокруг иначе, чем все остальные. Зашедший к нему гость замечает, что Хайям скудно

⁹ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повесть / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 393.

¹⁰ Там же. С. 401.

¹¹ Орлицкий Ю.Б. Заглавие // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73.

¹² Ильясов Я.Х. Башня молчания... Указ. изд. С. 486.

живет, лошадь бы прикупил. Зачем? — отвечает Хайям (кстати, «Господин Зачем» — так назвали поэта обыватели). — Спешить — сокращать жизнь. Будучи на лошади, многое упускаешь. Идя пешком, останавливаешься у ручья, слушаешь его журчание, щебетание птиц, рассматриваешь растения, встречаешь людей, беседуешь с ними — узнаешь жизнь¹³.

Пристальным и оценивающим взглядом Хайяма представлено живописное полотно соседа-художника — подробнейшее описание изображенного на картине сюжета: позы персонажей, их одеяния, колористика, фон. Перед читателем *живописный экфрасис*, необходимый автору для того, чтобы заострить, акцентировать концепцию образа Хайяма, создать миромодель его картины мира [5. С. 15]. Спросив художника, кто представлен на полотне и услышав, что это Искандер Зулькарнайн (Александр Македонский), Хайям не сдерживается: «Нет, братец, — вздохнул Омар. — Это не Искандер Зулькарнайн. ... Это выдуманый Искандер. Не был он никогда святым старичком! Видишь ли, он жил задолго до пророка.

— Как — до пророка?

— Ну, пророка тогда еще не было.

— Как это — не было?

... И мусульман в ту пору не было. <...>

— Но... но ведь Искандер Зулькарнайн... сам был пророком, ниспосланным в этот мир до Мухамеда? — вскричал возмущенный художник.

— Нет. ... Он был громилой, захватчиком. И чалмы не носил. Молодой, краснолицый, рыжеволосый и пьяный язычник, умерший тридцати трех лет от роду. А ты представил его с белой бородкой, в голубом халате. Это все — неточно, потому и недостоверно. Знай: достоверность на картинах и в книгах достигается неукоснительной точностью деталей. Говорят, по изображениям на римской колонне императора Траяна можно до мельчайших подробностей изучить снаряжение, оружие и военный быт его времени»¹⁴.

Хайям, выявив множество исторических и фактических ошибок, догадывается, что двигало художником, — невежество и стяжательство, это две главные силы, две «змеи», с которыми Хайяму приходится сражаться в течение всей жизни, не случайно предыдущая повесть Я. Ильясова о Хайяме названа «Заклинатель змей».

Говоря о предпочтении термина *экфрасис* в научном дискурсе взамен лексемы *описание*, Р. Данилевский замечает, что экфрасис сопровождается *энергией* — когда в словесной передаче картины присутствует «духовная, мыслительная область, в которой совершается творчество и которая за него отвечает» [6. С. 37]. Энергия проецирует новые смыслы произведения, задуманные автором или рожденные в ходе интерпретации читателем и исследова-

¹³ *Ильясов Я.Х.* Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 355.

¹⁴ Там же. С. 367.

телем. Наша аналитика сопряжена с воспроизводством этой *энаргии*, которая сопровождает восприятие живописного полотна Хайямом.

Наряду с упомянутым живописным экфрасисом в повести «Башня молчания» присутствуют *обрядовые экфрасисы*: описание процесса сватовства, похоронный обряд зороастрийцев. Помимо перечисления череды обязательных процедур, обрядовые экфрасисы создают психологический портрет участников обряда, их социальную «зомбированность» — взглядом Хайяма воспроизводится «сам „воздух“ времени и атмосфера места» [5. С. 66] и характеризуется образ поэта.

Окружающий Хайяма мир, благодаря его особенной оптике, предстает в виде картин, в состав которых входит *интрадиегетическая образность*: когда «картины или статуи... участвуют в развитии интриги наравне с обычными персонажами» [7. С. 13], по словам С.Н. Зенкина (теоретика интрадиегетического образа), и сам герой (Хайям) является по отношению к изображению, «сошедшему с картины, создателем или зрителем. В ряде сюжетов изображение «оживает, обретая магические» свойства, на него «направляется рефлексия героя» [7. С. 15]. Так, караванщики, идя по пустыне, видят причудливый саксаул: «Два сухих ствола сплелись. Ветвей мелких нет, их ветром снесло. Взгляни, отсюда — вроде голой женщины. <...> Ну до чего же похожа черная коряга на маленькую нагую женщину. Будто, закрыв глаза и склонив голову, она, замирая, слушает медный звон каравана. Даже волосы есть у нее, густые, пышные, — видно, какой-то суеверный проезжий набросил на корягу овечью шкуру»¹⁵.

Это природно-живописное полотно в оптике Хайяма оживает: «коряга» «вздохнула, переступила с ноги на ногу — и... открыла глаза. И увидел Омар, что вовсе это не коряга, стоящая торчком, а именно женщина: нагая маленькая женщина»¹⁶. Он дает ей имя — Занге-Сахро, колокольчик пустыни, еще не раз встретит он ее, передвигаясь по пескам из города в город.

Поэт и собака

«Все они — правильные! Царевич Санджар, визирь Фахр, эмир Аргуш. И мой сосед Сафар, хоть он и художник. Тоже правильный. Даже те, двое, которые лезли к нам ночью. А мы с тобой — неправильные. Тебе, например, по всем правилам следует хлопать ушами и вилять хвостом. Но их нет у тебя, — отрубили, чтоб ты был злее, чтоб не мешали драться. А я — вообще черт-те что. Ладно! Утешимся тем, что все одаренные — неправильные. Одаренность — сама отклонение от нормы. Пусть они учат нас жить, — проживем как-нибудь по своему разумению...»¹⁷, — обращается к своей собаке Омар Хайям.

¹⁵ *Ильясов Я.Х.* Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 321.

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 422.

Ни в одном из текстов о Хайяме (см.: [1]) рядом с ним нет собаки. Она появляется только в повести «Башня молчания» — это пес Басар, который помогает раскрыть новый (для хайямианы) уровень личности Хайяма.

История собаки как вида животного насчитывает пятьдесят тысяч лет — собака всегда была рядом с человеком (см.: [8. С. 46]). В литературе собака — самый частый из всех животных спутник человека [9. С. 126], писатели порой доверяют собаке как неангажированному субъекту высказывать претендующую на объективность точку зрения [9. С. 128].

В окружении враждебности, зависти и продажности Омару Хайяму становится небезопасно жить одному. Он получает от своего давнего знакомого собаку Басара: это был огромный, размером с осла, светло-бурый пес с гладкой блестящей шерстью, с обрубленными ушами и хвостом — «красивый пес, здоровый, могучий»¹⁸. До этой поры Хайям не был замечен в симпатиях к животным, в том числе к собакам, от «них — вонь и грязь»¹⁹, считал он. Вот растения — другое дело, от них прохлада и приятный запах. Настал момент, когда никакое растение не могло спасти Хайяма, — нужна была собака. Они — Хайям и Басар, недолго приглядываясь друг к другу, быстро нашли взаимопонимание, тем более что сразу подоспела опасность, которая могла стоить Хайяму жизни — спас Басар: перегрыз горло грабителю и убийце.

Хайям понял, что Басар не просто его охранник, он его друг, личность, достойная уважения. Лишь один раз оставив Басара во дворе у покоев султана, Хайям лишился друга: его растерзала стая собак, подначиваемая воинами султана, которые устроили развлечение — собачьи бои. Хайяму не оставалось ничего, кроме как похоронить своего друга по самому гуманному с его точки зрения обычаю — отнести тело пса на «башню молчания». Исследователь взаимоотношений собаки и человека в контексте мировой цивилизации, французский ученый Доминик Гийо пишет: «...погребальный обряд остается данью уважения, которое человек редко демонстрировал по отношению к какому-либо другому животному. Животные, в том числе домашние, нечасто удостоиваются собственных могил» [8. С. 43]. Эта новая грань образа Хайяма в мировой хайямиане добавляет гуманистические оттенки к личности героя.

Травестия

Артистизм, театрализация — устойчивые черты героя *homo creator* (см.: [10]). Если в других текстах хайямианы актерство Омара Хайяма выражено в переодевании [1], то в повести «Башня молчания» он выступает «режиссером» спектакля, разыгранного по канону карнавала. Свою подружку Хамиду наряжает в одежды юноши, называет Хамидом. Прямая травестия (девушка в

¹⁸ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 416.

¹⁹ Там же. С. 419.

роли юноши), «логика обратности», «наоборот» — черты карнавальской эстетики, сформулированные М.М. Бахтиным [11]. Назначенный на роль слуги, Хамид якобы страстно желает приобщиться к суфийскому братству — эта трагедия нужна Хайяму, чтобы проучить ханжу и притворщика, богослова Газали, от которого Хайям ждет неприятностей для себя.

Обратить заблудшую душу в свое братство — для Газали божественный подвиг. Довольно большой эпизод о встрече «Хамида» и Газали развивается по нарастающей: Газали удивляется красоте юноши, его глаз, стати, пытается читать нравоучения и наставления, которые «Хамид» просто и по-житейски парирует. Так, когда заходит речь о рае, ради которого надо вести аскетичный образ жизни, рае, где «текут реки с водой, не имеющей смрада, и молоком, которое не прокисает, и вином, приятным для пьющих, и медом очищенным. Вошедший в сад эдемский нарядится в шелка, в запястья золотые и жемчужные»²⁰, «Хамид» вопрошает: зачем далеко ходить за раем, когда все на земле — и ключевая вода, и приятное вино, и свежее молоко, и полная миска меда на столе, и золотые браслеты на его руке. Газали пытается возразить: «Здесь все кратковременно, там вечно». — «Так долго? Бабка моя прожила сто лет. Противно было смотреть на нее». — «Там — вечная молодость». — «Вечно — скучно»²¹. Каждый ответ «Хамида» Газали воспринимает как пощечину, в конце концов, побежденный житейской мудростью «Хамида», пустившегося в пляс, распустившего свои кудри по плечам и «превратившегося» в Хамиду, посрамленный святоша ретируется с проклятиями. Спектакль, задуманный Хайямом, удался. Его творческая натура одержала победу над ханжой Газали. По словам Ю.К. Щеглова и А.К. Жолковского, «функции, формулируемые для отдельного произведения, исходя из его темы... ввиду идентичности содержания этих произведений, окажутся инвариантными для всей группы, то есть совпадут с функциями в смысле Проппа» [12. С. 28–29].

Заключение

Рассмотренные приемы поэтики образа Хайяма в повести «Башня молчания» (оптика *homo creator*, карнавализация/трагедийность, живописный и обрядовый экфрасисы, интрадиетическая образность, театрализация) устойчивы для группы текстов, составляющих хайямиану. Новыми гранями образа Хайяма предстают в «Башне молчания» его субъектность в роли *биографа* и отношения с собакой. Поставленная цель — понять, как устроен образ Хайяма, прототипом которого стал реальный человек, о жизни которого сохранилось мало информации, реализована аналитикой образа Хайяма, такой подход способствует пониманию исторической личности поэта.

²⁰ Ильясов Я.Х. Башня молчания // Ильясов Я.Х. Заклинатель змей. Башня молчания : повести / послесл. Ш.М. Шамухамедова. Ташкент : Изд-во литер. и иск., 1986. С. 439.

²¹ Там же. С. 439–440.

Список литературы

1. Косенко В.С. Мировая хайямиана: байопики об Омаре Хайяме // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2025. № 3 (86). С. 28–40. <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2025.3.028> EDN: MVZJKJ
2. Лотман Ю.М. Литературная биография в историко-литературном контексте (к типологическому отношению текста и личности автора) // Литература и публицистика. Проблемы взаимодействия : труды по русской и славянской мифологии : ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 683. Тарту, 1986. С. 106–121.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 140 с. EDN: VXKANF
4. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. Москва : Никитинские субботники, 1931. 36 с.
5. Шафранская Э.Ф., Гарипова Г.Т., Кешфидинов Ш.Р. Современная литература. Виды искусства в литературном тексте. Москва : Юрайт, 2025. 242 с. ISBN: 978-5-534-21305-8 EDN: QYUSGX
6. Данилевский Р. Г.Э. Лессинг: крах экфрасиса? // «Невыразимо выразимое»: экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте : сб. статей / сост. и науч. ред. Д.В. Токарева. Москва : Новое литературное обозрение, 2013. С. 35–43.
7. Зенкин С.Н. Imago in fabula: Интрадиегетический образ в литературе и кино. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 624 с. ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN
8. Гийо Д. Люди и собаки / пер с фр. Т. Пятницыной. Москва : Новое литературное обозрение, 2019. 328 с.
9. Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р., Шаймерденова Н.Ж. Образ собаки в современной литературе: этнические обертоны разных культур // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2025. № 4. С. 125–137. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137> EDN: NYTLWS
10. Косенко В.С. Судьба художника в романе «Последний кабан из лесов Понтеведра» Дины Рубиной (поэтика образа) // Филологические науки : научные доклады высшей школы. 2025. № 4. С. 91–99. <https://doi.org/10.20339/PhS.4-25.091> EDN: XDMIRE
11. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва : Худож. литер., 1990. 543 с. EDN: VQMUNR
12. Щеглов Ю.К., Жолковский А.К. Структурная поэтика — порождающая поэтика // Ю.К. Щеглов. Проза. Поэзия. Поэтика : избранные работы / сост. А.К. Жолковский, В.А. Щеглова. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 15–32.

References

1. Kosenko, V.S. 2025. “World Hayamiana: Biopics about Omar Khayyam.” *Bulletin of Tver State University, Series “Philology”*, no. 3, pp. 28–40. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtfilol/2025.3.028> EDN: MVZJKJ
2. Lotman, Yu.M. 1986. “Literary Biography in the Historical and Literary Context (on the Typological Relationship between the Text and the Author's Personality).” *Literature and Journalism. Problems of Interaction: Works on Russian and Slavic Mythology. Scientific Notes of the Tartu State University*, issue 683. Tartu, pp. 106–121. (In Russ.)
3. Galperin, I.R. 1981. *Text as an Object of Linguistic Research*. Moscow: Nauka publ. (In Russ.) EDN: VXKANF
4. Krzhizhanovsky, S.D. 1931. *Poetics of Titles*. Moscow: Nikitsky Subbotniks publ. (In Russ.)
5. Shafranskaya, E.F., G.T. Garipova, and Sh.R. Keshfidinov. 2025. *Modern Literature. Types of Art in Literary Text*. Moscow: Yurayt publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-534-21305-8 EDN: QYUSGX

6. Danilevsky, R. 2013. “G. E. Lessing: The Collapse of Ekphrasis?” *The Inexpressible Expressible*: *Ekphrasis and the Problems of Visual Representation in Literary Texts: Collection of Articles*, compiled and edited by D. V. Tokareva. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie publ., pp. 35–43. (In Russ.)
7. Zenkin, S.N. 2023. *Imago in Fabula: Intradiegetic Image in Literature and Cinema*. Moscow: New Literary Review publ. (In Russ.) ISBN: 978-5-4448-1930-2 EDN: CJRKNN
8. Guillo, D. 2019. *People and Dogs*, translated from French by T. Pyatnitsyna. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye publ. (In Russ.)
9. Shafranskaya, E.F., Sh.R. Keshfidinov, and N.Zh. Shaimerdenova. 2025. “The Image of a Dog in Contemporary Literature: Ethnic Overtones of Different Cultures.” *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, no. 4, pp. 125–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-125-137> EDN: NYTLWS
10. Kosenko, V.S. 2025. “The Fate of an Artist in the Novel “The Last Boar from the Forests of Pontevedra” by Dina Rubina (Poetics of the Image).” *Philological Sciences. Scientific Reports of the Higher School*, no. 4, pp. 91–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.20339/PhS.4-25.091> EDN: XDMIRE
11. Bakhtin, M.M. 1990. *The Works of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura publ. (In Russ.) EDN: VQMUNR
12. Shcheglov, Yu.K., and A.K. Zholkovsky. 2012. “Structural poetics — generative poetics.” In Yu.K. Shcheglov. *Prose. Poetry. Poetics: Selected Works*, compiled by A. K. Zholkovsky, V.A. Shcheglova. Moscow: New Literary Review publ., pp. 15–32. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский переулок, д. 6. ORCID: 0009-0006-5533-8748; eLibrary SPIN-код: 3659-1142, E-mail: visha-k@mail.ru

Bio note:

Victoriya S. Kosenko is a Cand. Sc. in Philology, Assistant Professor of Russian Institute of Theater Arts (GITIS), Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), 6 Maly Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-5533-8748; eLibrary SPIN-code: 3659-1142. E-mail: visha-k@mail.ru